

УДК 94(575.2):008

**СТРАНИЦА РЕПРЕССИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСТАНА:
“АКАДЕМИЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА” КАСЫМА ТЫНЫСТАНОВА**

С.В. Плоских

Раскрывается значение известных в 1920–30-х гг. “Академических вечеров” К. Тыныстанова в развитии культуры Кыргызстана.

Ключевые слова: культура; власть; “Академические вечера”; Касым Тынысанов; 1930-е г.

**PAGE REPRESSED CULTURE IN KYRGYZSTAN:
“ACADEMIC EVENING” KASIM TYNYSTANOV**

S. V. Ploskih

The article reveals the value known in the 1920-30s. “Academic Evening” K. Tynystanova in the development of culture of Kyrgyzstan.

Keywords: culture; power; “Academic evening”; Kasim Tynysanov; 1930.

Вопросы культуры в 20–30-е гг. занимали важное место в политике советского государства. В мае 1931 г. Наркомпрос Киргизской Автономной республики с целью поддержки театра объявил конкурс на драматические произведения с присуждением трех премий.

Касым Тыныстанов для участия в конкурсе выбрал три сюжета, которые объединил одним названием: “Академические вечера”. Первая драма была посвящена кыргызскому героическому эпосу “Манас”, вторая – кыргызскому феодалу конца XIX – нач. XX вв. Шабдану, третья состояла из стихов молодых кыргызских поэтов на революционную, советскую тематику. Результаты конкурса должны были быть подведены не позже 20 июля 1931 г. [1, с. 260]. Таким образом, на творческую работу отводилось менее трех месяцев. К. Тыныстанов, как руководитель, приглашает в соавторство талантливых коллег-поэтов и начинающих драматургов Ш. Кокенова, Т. Сопиева, К. Джантошева (возможно и других).

Условия конкурса авторами были выполнены в срок и уже в конце 1931 г. начались их постановки в Киргизском национальном театре.

Идеологическая борьба вокруг “Академических вечеров” довольно широко освещена в научной и публицистической литературе, но само произведение в полном объеме до исследователей не дошло. Судя по всему, оно после первых по-

становок на сцене, в первоначальном авторском варианте, а затем в сокращении с учетом критических выступлений, было окончательно изъято и уничтожено.

В Центральном государственном архиве политической документации Кыргызской Республики сохранились “Консультации” К. Тыныстанова, которыми он предварял постановки драм на сцене. В них приведено краткое содержание “Академических вечеров” (впервые опубликованы в сборнике документов “Касым Тыныстанов: Талант и судьба”) [2, с. 157–162].

Драматический цикл автором был назван: “Пьеса. Три академических вечера, посвященных истории киргизского искусства”. Личное авторство К. Тыныстанова приписывается только второй драме, названной им “Эпоха капитализма (II вечер). Из того, что видели глаза (Шабдан). Историческая драма в 7 картинах” [3, л. 2–59]. В первой драме автор использовал лишь две картины из эпоса “Манас”, которые соответствовали теме произведения, подчеркивали классовую сущность феодального общества. В целом же эпос, по определению К. Тыныстанова, “считается началом киргизской устной поэзии, и она претендует на право первенства в сокровищнице мировой устной литературы не только по объему своего материала, но и по своему удовлетворительно красиво построенному сюжету” [2, с. 158].

Вторая драма (второй вечер) была посвящена “колониально-капиталистической эпохе”, которую К. Тыныстанов раскрывал через биографию крупного манапа конца XIX – начала XX вв. Шабдана Джантаева. Документальной основой автору служила книга Осмоналы Садыкова, изданная в 1912 г. в Казани. Пьесой автор подводит зрителя к выводу: “беднота окончательно убеждается в том, что ей не враг всякий русский и не брат всякий киргиз, ее враги киргизский бай и русский буржуа” [2, с. 161].

Третья драма состояла из произведений “пролетарской поэзии молодых киргизских поэтов” самого Тыныстанова, Кененсариева и Кокенова. Квинтэссенция сюжета: “Интересы киргизских трудящихся, выходя из национальной рамки, вступают на общие пролетарские рельсы, вступают на мировую арену” [2, с. 161].

Заклячая свои “Консультации”, К. Тыныстанов пропагандистки провозглашает: “Иной был киргизский народ в дни Арстанбека и Шабдана, совершенно иным он стал в наши дни. Так кончались позорные страницы старой истории, так начинались новые, славные страницы истории Советской Киргизии”.

Документальных свидетельств, как была пьеса воспринята первыми зрителями, не сохранилось. Надо полагать – насторожено. Да и зритель был не подготовлен к сценическому восприятию сложных сюжетов, чем и были вызваны предварительные выступления автора перед зрителем на киргизском языке.

Позже сам автор перевел как пьесу (по крайней мере, дошедшую до нас вторую драму), так и свои комментарии, которые передаст (в 1933 г.) секретарю Киробкома Шахраю. В своем вводном слове К. Тыныстанов, как бы заранее оправдываясь, сообщает, что “Академические вечера” подготовлены к постановке “в коротенький срок”, в связи с этим “могут привести нас к некоторым, а может быть, и к грубейшим политическим ошибкам” [2, с. 158].

Достоверно известно, что первая драма “Манас” и вторая “Шабдан” были поставлены на сцене театра. Третья, видимо, не была особо афишированной, поскольку о ней нет прямых свидетельств.

Официальная оценка пьесы в то время, как властью, так и литераторами, носила только политический, идеологический характер. Уже 1 апреля 1932 г., сразу после нескольких постановок драмы – в основном первой и второй пьес – “Манас” и “Шабдан”, секретариат Киробкома ВКП(б) с участием Шахрая и Исакеева под грифом “секретно” принимает двоякое решение: с одной

стороны, одобрить инициативу Научно-исследовательского института культурного строительства в организации “Академических вечеров” на основе использования устного народного творчества, как разоблачающего социально-экономическую сущность военной, феодальной эпох – (“Манаса”) и роль манапства (Шабдана) и других. С другой стороны, указывалось Тыныстанову (как автору) и партичейке Киргизского национального театра на недочеты и политические ошибки, которые необходимо устранить [4, л. 9–10].

В печати действительно развернулась серьезная политическая критика в адрес К. Тыныстанова и он обращается в Киробком и Фрунзенский горком партии “с искренним заверением в преданности идеям партии, признанием своих прежних ошибок и просьбой оградить его от людей, использующих эти ошибки в своих личных целях” [2, с. 149–150]. Тыныстанов назвал имена Тойчинова, Токомбаева, выступления на конференции Киргизской ассоциации пролетарских писателей, в газетах “Кызыл Кыргызстан” и “Советская Киргизия”.

В течение года шла газетная перепалка. Тем временем К. Тыныстанов назначают зав. сектором языка Института культурного строительства в марте 1932 г., а в начале июля – директором Киргизского государственного национального театра (по совместительству) [1, с. 261]. Надо полагать, пьесы продолжали ставить на сцене, невзирая на критику. Но вскоре Тыныстанов получает сокрушительный удар – в центральной газете “Правда” появляется статья сборка из среднеазиатского региона Павла Мануйлова “Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма”. Автор критикует “откровенно кулацкую” пьесу “Шабдан” – поэму уходящего эксплуататорского класса – киргизского байства, которая ставилась на театральной сцене столицы Киргизии и продолжает ставиться в районных театрах. Редакция газеты предписывала Средазбюро ЦК ВКП(б) рассмотреть изложенные факты и известить “по существу вопроса” [5]. Буквально через три дня в передовой газете “Правда” “Выше знамя пролетарского интернационализма” партийным организациям страны ставится конкретная жесткая задача – “своевременным разоблачением новой тактики и происков классовых врагов срывать с них маску и показывать массам истинное контрреволюционное лицо буржуазно-кулацких националистических элементов, уклонистов и примиренцев” [6].

Тут же принимается постановление Средазбюро ЦК ВКП(б) – предложить Киробкому немедленно снять постановку националистической пьесы [7, л. 11]. Созывается президиум оргкомитета

Союза советских писателей Киргизии под председательством А. Токомбаева. В присутствии членов оргкомитета готовящегося первого съезда писателей в составе Тойчинова, Догдурова, Рахматулина, Турусбекова, Джакишева, Шабданова, Шивазова, Морозова и других писателей и представителей властей. Решение было predetermined:

1. Признать правильной корреспонденцию в “Правде”, заметку П. Мануйлова.

2. Констатировать, что под флагом академических вечеров протаскивались антисоветские идеи, выспевающие идеологию уходящих эксплуататорских классов.

3. Изъять все пьесы, протаскивающие буржуазно-националистические идеи в советском театре [8, л. 16–17].

Вслед за этим Киробком ВКП(б) своим постановлением (также под грифом “секретно”) от 29 марта 1933 г. снимает с постановок две драмы – “Манас” и “Шабдан” – Академических вечеров, как сказано, написанных К. Тыныстановым в соавторстве с Кокеновым, Сопиевым, Джантошевым. (Третья пьеса не называется, что свидетельствует о том, что она была еще не завершена и на сцене не ставилась.)

В заключение предписывалось Тыныстанову и Кокену выступить с критикой и осуждением своих ошибок.

Постановление подписал секретарь Киробкома Шахрай [9, л. 93–99].

Через полмесяца Тыныстанов направляет Шахраю пьесу и свои “Консультации”, читавшиеся перед постановкой пьес и составленные еще в январе 1932 г. в авторском переводе на русский язык с просьбой указать в ней ошибки и обещал “выступить в печати с разоблачением своих ошибок” [7, л. 12].

Газетная статья К. Рахматулина и М. Чистякова “Против буржуазно-кулацкого национализма и пережитков феодально-родового строя” – об “Академических вечерах” К. Тыныстанова в Кирнацтеатре как скрытой форме пропаганды чуждой идеологии угрожающе предупреждала “товарищей в партийных организациях”, “ответственных партийных работников”, которые “тихой сапой” поддерживают “эту вылазку контрреволюционного буржуазно-кулацкого национализма” [10].

Ни в одной газете того времени материалов, поддерживающих книгу стихов и “Академические вечера” К. Тыныстанова, не было. Зато в архиве обнаружилось несколько статей за 1933 г. коллег К. Тыныстанова, которые выступали против огульной критики в его поддержку, но не были приняты в печать. С грифом “не допущена

к печати” есть статья Джусупа Турусбекова, учащегося сельхозтехникума. Молодой автор пишет: “Касым Тыныстанов – коммунистический поэт трудящихся. Не нужно скрывать, что в книжке Касыма есть недостатки. Она издана раньше времени и Касым не сумел проверить политическое значение стихов”. Здесь же не допущенная к печати статья члена партии, работника Наркомпроса Убутаева: “Нельзя агитировать за коммунизм ни пустыми фразами, ни палкой, ни оружием. Прежде всего, нужно знать жизнь, нужно считаться с положением, нужно призывать печатным словом. Нужно агитировать через соответствующие вещи. Стихи Касыма соответствуют им”.

Наконец, статья Догдурова, коллеги К. Тыныстанова не пропущенная печати в газете “Кзыл Кыргызстан”: “Касым пришел из аула, поэтому был политически неграмотен, и, желая агитировать, обратился к “Алачу” (т. е. партии Алаш)... Когда Касым говорит о нации, не думает противопоставить ее другим нациям, а лишь хочет просвещения своей нации” [7, л. 105–106].

Будучи секретарем президиума оргкомитета по организации Союза писателей Киргизии, Догдуров не посмел высказать свое особое мнение в Союзе писателей и всецело поддержал А. Токомбаева.

Попытался было вступить за Тыныстанова Б. Исакеев, зам. председателя правительства. По словам самого А. Токомбаева, Исакеев вызвал его в свой кабинет и сказал: “вы сами не умеете дать такие большие произведения? как академические вечера, завидуете тем, кто пишет” [2, с. 207]. Но противники все же одолели.

Окруженный со всех сторон критикой К. Тыныстанов пытается через печать оправдаться, разъясняя основные идеи своего творчества и допущенных ошибках. В газете “Советская Киргизия” он публикует статью “Мой путь, мое творчество, мое лицо” [11]. “О моем политическом лице, – пишет автор, – в киргизской литературе было немало статей и партийных решений. Это вытекало из острой необходимости борьбы за партийность в литературе, так как моя прежняя позиция целиком была антипартийной и мой путь в киргизской литературе, а, следовательно, и в борьбе классов, не был прямым, а был зигзагообразным”. К Тыныстанову разъясняет, что в “Академических вечерах” он хотел “организовать трудящихся вокруг вопроса пролетарского искусства, как важнейшего оружия пролетариата в борьбе за социализм”. Но вопреки его личным желаниям и стремлениям “Академические вечера” привели к обратному результату – к воспеванию идей национализма.

Заканчивалась статья заверением, что автор еще докажет на деле своей работой преданность делу ленинской партии. Для этого у него “есть большевистская воля, эта воля непоколебима”, в чем он твердо заверяет коммунистическую партию [11].

Казалось бы, покаяние произнесено, заверения в следовании идей партии, получены. Можно было бы продолжать творчески работать. Но тут появляется встречный, очень развернутый отзыв Аалы Токомбаева (Балка) с одиозным содержанием и названием: “Его путь, его творчество, его лицо” [2, с. 167–175]. Хлесткое начало определяет жесткую критику как всего творчества К. Тыныстанова, так и, в основном, его “Академических вечеров”. Критикуя Тыныстанова за неповиновение партийным указаниям, А. Токомбаев называет кыргызских “буржуазных националистов”, “пантуркистов” – Абдукеримова, Тельтаева, Ишеналы Арабаева, Сыдыкова Осмоналы, Кандырбаева, Султанбекова и причисляет к ним “известного идеолога алаш-ордынцев” К. Тыныстанова. Заканчивает свой пространственный отзыв А. Токомбаев грозным призывом: “Мы должны окончательно рассчитаться с Тыныстановым и усилить борьбу с тыныстановцами” [7, л. 57].

Общественностью, творческой интеллигенцией такое противостояние двух выдающихся литературных мастеров было воспринято как сведение личных счетов Токомбаева с Тыныстановым из-за резкой в свое время критической рецензии Тыныстанова на сборник стихов А. Токомбаева “О Ленине” в 1927 г. Это противостояние со временем обострялось. Выступая на VII Пленуме Киробкома? А. Токомбаев связал напрямую Тыныстанова с осужденными по делу СТП лидерами партии Курмановым, Шабдановым, Кашимбековым, Кененсариним и другими “теоретиками социалистического турана”, присоединив к ним и Карасаева. “Мы, большевики Киргизии, – заключил А. Токомбаев, – должны дать последний отпор Тыныстанову и его защитникам” [12, л. 32].

Противостояние становилось все более жестким. В республике уже шли судебные процессы по делу “Социал-Туранской партии”, и Касым Тыныстанов объявляется идеологическим лидером разгромленной оппозиции.

Самым напряженным моментом в политической критике К. Тыныстанова явилась VII областная партконференция, на которой докладчик – нарком рабоче-крестьянской инспекции М. Таукин – обсуждал вопрос об оживлении контрреволюционной работы местных националистов и их агентуры в партии и о К. Тыныстанове. “Идеологиче-

ским певцом контрреволюционного национализма в поэме, прозе, стихах, книге и театре является буржуазный перерожденец с партбилетом в кармане Тыныстанов. Работа Тыныстанова восхваляла буржуазный национализм, опошляя ленинскую национальную политику... Тыныстанов идейно воспитывал буржуазный национализм” [13, л. 113–114], – заявил Таукин.

В это сложное время, после угрожающих решений Киробкома партии, в преддверии Первого съезда Союза писателей (от которого он ничего хорошего не ожидал), Касым Тыныстанов собирался послать Максиму Горькому, готовившему Первый съезд писателей СССР, и Л.М. Кагановичу в Москву, в переводе на русский язык “Академические вечера”. Послал экземпляр и секретарю Средазбюро ЦК ВКП(б) Бауману. Имеется косвенная информация (от московских писателей), что поэма на русском языке была у М. Горького, что позже она оказалась у кыргызского народного писателя Тугельбая Сыдыкбекова. В 1989 г. З. Бектенов перевел “Академические вечера” с русского на кыргызский язык и опубликовал в Бишкеке в 1991 г. [14].

Нам точно неизвестно, дошли ли “Академические вечера” в 1934 г. до адресатов – на судьбе К. Тыныстанова это никак не отразилось.

В 1934 г. состоялся Первый съезд советских писателей Киргизии. Он не мог обойти молчанием “Академические вечера” К. Тыныстанова, которому докладчик посвятил особый раздел – “Идеологическая борьба в киргизской литературе”, как бы обобщив все высказывавшиеся ранее критические замечания. Все выступавшие в той или иной степени считали нужным отдать дань критике К. Тыныстанова и “Академических вечеров”, даже его соавтор Ш. Кокенов.

В первичной партоганизации, поддержанной апелляционной комиссией 16 апреля 1935 г., было предложено исключить К. Тыныстанова из партии. Заседание выездной тройки среднеазиатской краевой комиссии по чистке 7 мая 1935 г. постановило: “Решение областной комиссии по чистке подтвердить. Тыныстанова, как двурушника и буржуазного националиста, из рядов ВКП (б) исключить” [15, л. 200].

Тыныстанов обращается с апелляцией в высшую партийную инстанцию – Комиссию партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б). Его заявление в КПК рассматривается почти через год. Наконец 3 апреля 1936 г., рассмотрев апелляцию К. Тыныстанова на решение Среднеазиатской комиссии по чистке, КПК в своем решении записывает: “Материалами дела и специальным расследованием установлено, что Тыныстанов в первые

годы революции был в Алаш-Ордынской партии, что при вступлении в ВКП(б) не скрывал, в дальнейшем же нет оснований обвинять Тыныстанова в том, что он буржуазный националист... в отмену решения Среднеазиатской комиссии по чистке от 7 мая 1935 г. – восстановить К. Тыныстанова членом ВКП(б). Секретарь партийной коллегии Е. Ярославский”. Решением бюро Киробкома ВКП (б) от 4 августа 1936 г. К. Тыныстанову выдается “партийный билет старого образца” [16, л. 104–105].

К. Тыныстанов полностью углубился в научную работу в Институте языка и литературы. Но от Тыныстанова партийные власти ждут публичного покаяния. И он выступает с одиозной статьей под названием “Буржуазный национализм – верный союзник троцкизма”. Трудно сказать, была ли опубликована эта статья. В архивах она отложилась в машинописной копии, датированной 11 февраля 1937 г. [17, л. 42–43]:

“...кое где находят себе поклонников старые контрреволюционные произведения, которые духовно питают отсталую часть нашей молодежи и отравляют ее ядом национализма. К числу таких произведений относятся старые контрреволюционные стихи автора этих строк, которые, несмотря на разоблачения как самим автором, так и партийной организацией, находят себе отдельных читателей, делающих из них себе идеологическую пищу. Мне, как автору этих произведений, необходимо сказать следующее. Тот, кто действительно сознательно делает из этих стихов свое знамя, т.е. оформившейся буржуазный националист, пусть разделит судьбу своих разбитых собратьев. А тому, кто не понимает контрреволюци-

онной сущности этих стихов я должен сказать: “не отравляйтесь, товарищи, ядом национализма! Осознайте, что стихи эти непременно толкают вас в пропасть!”.

11. 02. 37. К. Тыныстанов.

(Машинописная копия, орфография и пунктуация автора) [17, л. 42–47]

Но, к сожалению, никакие выступления и публичные признания своих ошибок не помогли. 1 августа 1937 г. К. Тыныстанова арестовывают, а 5 ноября 1938 г. он осужден к высшей мере наказания с конфискацией всего имущества.

Литература

1. Джаныбеков Ч. Касым Тыныстанов: жизнь и творчество / Ч. Джаныбеков. Бишкек, 2003.
2. Касым Тыныстанов: талант и судьба: сборник документов. Бишкек, 2011.
3. ЦГА ПД КР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 422.
4. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 397.
5. Правда. 1933 г. 7 марта.
6. Правда. 1933 г. 10 марта.
7. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 514.
8. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 5. Д. 115.
9. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 453.
10. Советская Киргизия. 1933 г. 13 мая.
11. Советская Киргизия. 1933 г. 3 июня.
12. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 147.
13. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 527.
14. Касым Тыныстан уулу. Адабий чыгармалар / Касым Тыныстан уулу. Бишкек, 1991.
15. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5.
16. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 712.
17. ЦГА КР. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 10.